

Политическая лингвистика. 2024. № 6 (108).

Political Linguistics. 2024. No 6 (108).

УДК 81'27+811.111'42+811.111'38

ББК ШП43.21-51+ШП43.21-55+ШП00.621

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Надежда Александровна Шмигельская

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, nad.shmigelskaya@icloud.com, SPIN-код: 8859-4021, <https://orcid.org/0009-0003-2839-7062>

Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом пропагандистском медиадискурсе (на примере русско-украинского конфликта)

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена выявлению манипулятивного потенциала текстов англоязычного политического пропагандистского медиадискурса. Целью статьи является анализ наиболее частых языковых маркеров манипуляции и технологий воздействия на сознание реципиента. Феномен манипуляции представляется в качестве скрытого воздействия на адресата, влияющего на его сознание, поведение и изменяющего его картину мира. В ходе дискурс-анализа медиатекстов, посвященных русско-украинскому конфликту, был сделан выбор в пользу следующих лингвистических маркеров манипуляции: военная терминология, прецедентные имена, слова-аффективы с отрицательной коннотацией, являющиеся основными в реализации стратегии «свой» — «чужие». С постоянными информационными конфликтами в деятельности средств массовой информации произошли значительные изменения — приоритетной функцией стала воздействующая, а не информационная. Это свидетельствует о том, что проведение исследований и выявление речевых механизмов и приемов манипуляции доказывают, что целью информационной агрессии является преднамеренное внушение и/или пропаганда определенной идеи аудитории для ее последующего подчинения. Изучение языковых маркеров манипуляции текстов обладает широким потенциалом для современных лингвистов, так как благодаря этому возможно успешное проведение информационно-психологической войны и/или противостояние ей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политическая пропаганда, пропагандистский дискурс, манипуляции сознанием, манипулятивное воздействие, общественное сознание, языковые маркеры, информационно-психологическая война, российско-украинские отношения, русско-украинский конфликт, журналистика, медиалингвистика, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, англоязычные СМИ, язык СМИ, языковые средства.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Шмигельская Надежда Александровна, соискатель ученой степени кандидата филологических наук, Кубанский государственный университет; 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149; email: nad.shmigelskaya@icloud.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шмигельская, Н. А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом пропагандистском медиадискурсе (на примере русско-украинского конфликта) / Н. А. Шмигельская. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 6 (108). — С. 161-169.

Nadezhda A. Shmigelskaya

Kuban State University, Krasnodar, Russia, nad.shmigelskaya@icloud.com, SPIN code: 8859-4021, <https://orcid.org/0009-0003-2839-7062>

Linguistic Markers of Manipulation in the Polarized Political Propaganda Media Discourse (Based on the Russian-Ukrainian Conflict)

ABSTRACT. The article deals with revealing the manipulative potential of English-language texts of the political propaganda media discourse. The aim of the article is to analyze the most frequent linguistic markers of manipulation and the techniques of influencing the consciousness of the recipient. The manipulation phenomenon is represented as an implicit impact on the addressee, influencing their consciousness and behavior and changing their worldview. In the course of discourse analysis of the media texts related to the Russia-Ukraine conflict, the choice of linguistic markers of manipulation was made towards the following ones: military terminology, precedent names, affective words with negative connotations, which are substantial in the realization of the strategy of “own” — “alien”. Constant information conflicts have experienced a significant change in mass media – their primary function is the manipulative and not the informational one. This shows that research and detection of speech mechanisms and manipulation techniques reveal that the aim of information aggression is to deliberately impose on the audience and/or promote (propagate) the desired idea for the subsequent subordination of the audience. The study of linguistic markers of text manipulation has an extensive potential for modern linguists, because it is possible to successfully conduct and/or counter the information and psychological warfare due to it.

KEYWORDS: political discourse, political propaganda, propaganda discourse, manipulation of consciousness, manipulative impact, social consciousness, linguistic markers, information and psychological warfare, Russia-Ukraine relations, Russia-Ukraine conflict, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, English-language media, mass media language, language means.

AUTHOR'S INFORMATION: Shmigelskaya Nadezhda Aleksandrovna, Post-Graduate Student, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

FOR CITATION: *Shmigelskaya N. A. (2024). Linguistic Markers of Manipulation in the Polarized Political Propaganda Media Discourse (Based on the Russian-Ukrainian Conflict). In Political Linguistics. No 6 (108), pp. 161-169. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире манипуляция играет важную роль в осуществлении политического дискурса, а пропагандистские методы стали ключевыми в организации речей политиков и представителей политической элиты. Так, наиболее благоприятной средой для реализации тех или иных задач выступает медиадискурс, где посредством манипуляции можно скрыто воздействовать на аудиторию, тем самым влияя на ее поведение и сознание в целом. Следовательно, в политическом пропагандистском медиадискурсе, посвященном конфликтам (в нашем случае — между Россией и Украиной) и различным отношениям между странами (в нашем случае — между Россией и западными государствами), манипулятивные методы реализуются с помощью использования тех или иных лингвистических средств.

Отметим, что действия политического характера осуществляются с помощью политического дискурса, в котором главная цель — это борьба за распределение и использование власти.

На сегодняшний день представители гуманитарных и иных наук начали активно изучать пропагандистский/манипулятивный характер политических выступлений, заявлений и высказываний среди представителей власти, поскольку на геополитической арене ведутся военные действия в том числе и информационного характера, которые реализуются путем лингвокогнитивных воздействий.

В условиях такой напряженной обстановки и проведения информационных войн средства массовой информации выступают в качестве главной силы воздействия на массовое сознание, так как именно воздействующая функция СМИ, а не информационная теперь играет ключевую роль в передаче тех или иных сообщений, ввиду того что практически вся поступающая к нам информация служит для выполнения определенных политических задач.

Так, медиа теперь выполняют роль посредника между реципиентом и действительностью в обострении конфликтов, «углубляя пропасть между „своими“ и „чужими“, создавая негативные образы «чужих» и демонизируя их [Озюменко 2017: 204].

Иначе говоря, любые конфликты, в том числе и информационно-психологические, представляют собой форму агрессии, которая может быть нацелена не только на политического оппонента, но и на собственный

народ, т. е. его убеждают в существовании определенного врага и необходимости борьбы с ним.

В сознании адресата происходит формирование определенной идеологизированной среды «в процессе вербального закрепления» в его памяти текстов посредством постоянной трансляции медиаконтента, «служащего почвой для дальнейшего лингвокогнитивного манипулирования» [Хабаров 2021: 6].

Следовательно, воздействие на сознание людей имеет агрессивный характер и осуществляется как методами манипуляции, так и посредством прямого убеждения.

Цель данной публикации заключается в выявлении языковых маркеров манипуляции, частотность которых сигнализирует о степени манипулятивности текста и о наличии у автора намерений по управлению общественным мнением для достижения выгодных задач.

Материалом для исследования были выбраны выступления англоязычных политиков и публикации из популярных англоязычных интернет-изданий («Politico», «The Spectator», «The Independent», «The Economist») за первую половину 2024 года.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ БАЗИС РАБОТЫ

В настоящее время изучение манипулятивности текстов в политическом медиадискурсе является актуальной темой среди современных исследователей. Разные аспекты данного явления освещены в работах С. Ж. Ергалиевой, Л. А. Гаврилова, В. П. Шейнова, В. И. Озюменко, О. В. Маруневич, А. П. Чудинова, Г. А. Копниной.

Согласно лингвистическим исследованиям, главной чертой политического дискурса и медиадискурса является высокая степень манипулятивности текстов, так как в качестве их основной функции выступает воздействие на сознание людей. Любое политическое действие производится посредством языковых средств. «В процессе активной деятельности средств массовой коммуникации язык становится орудием влияния и манипулирования», так как с его помощью можно осуществлять воздействие на его носителя, а также использовать его для понимания политических феноменов [Ергалиева 2018: 14].

Политический дискурс является одним из видов институционального дискурса, где коммуниканты обладают определенным статусом. А. П. Чудинов считает, что целью

политического дискурса в первую очередь является борьба за власть, «в процессе которой осуществляется пропаганда тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям» [Чудинов 2013: 9].

Для достижения конкретных целей представители политической элиты стремятся влиять на аудиторию, используя те или иные методы для создания в сознании реципиента необходимой манипуляторам картины мира.

В политическом дискурсе текст в первую очередь обладает функцией воздействия, которая направлена на целевую аудиторию и на то, чтобы посредством информационного оформления сообщения создавать выгодное отношение адресанта к адресату [Гаврилов 2018].

Л. А. Гаврилов подчеркивает, что в массовой коммуникации текст отображает определенную общественно-политическую позицию, «которой противостоят тексты, передающие иные, часто полярные точки зрения и оценки» [Гаврилов 2018: 90]. Следовательно, текст, который оказывает большее воздействие на адресата, является наиболее эффективным в исследуемом дискурсе.

В связи с развитием массовой коммуникации социально-политические вопросы освещаются не только в публицистике, но и с помощью медиа в социальных сетях и на различных интернет-порталах.

СМИ применяются с целью манипулирования общественным сознанием, формируя мнение большинства (масс). Таким образом, основная задача медиа — это не просто транслировать идеи и взгляды, а создавать «благоприятную почву» в умах людей для дальнейших рассуждений. Иначе говоря, от того, какие были подобраны темы и какие языковые средства были применены для того или иного сообщения, зависит уровень влияния на реципиента, а именно то, как организуется не прямое воздействие на его сознание и поведение [Deviatnikova 2021].

Заметим, что выбор средств массовой информации для вещания определенной точки зрения играет важную роль в реализации манипулятивного потенциала того или иного сообщения.

Г.А. Копнина полагает, что при определении феномена манипуляции филологи опираются на исследования психологов, чтобы учитывать все признаки манипулятивного воздействия в совокупности [Копнина 2021].

Так, с психологической точки зрения манипуляция — «скрытое управление адресатом воздействия в личных целях его инициатора, противоречащее интересам адресата»

[Шейнов 2017: 168], «вид психологического воздействия, используемый для достижения одностороннего выигрыша посредством скрытого побуждения другого к совершению определенных действий» [Колмогорова, Калинин, Талдыкина 2016: 195]; с лингвистической — отбор и применение таких языковых средств, с помощью которых осуществляется воздействие на адресата сообщения таким образом, чтобы он воспринимал его как «составляющую объективной информации» [Колмогорова, Калинин, Талдыкина 2016: 195].

Г.А. Копнина подчеркивает, что для речевой манипуляции (манипуляции с помощью языка) характерны следующие признаки: «скрытость воздействия, т.е. сокрытие цели и самого факта воздействия, что создает у адресата иллюзию самостоятельности принятия решения; когнитивная деятельность человека как мишень воздействия и изменение его поведения как конечная цель; средство воздействия — языковые ресурсы языка, среди которых есть средства, наиболее пригодные для достижения манипулятором поставленных целей; искусный характер воздействия, связанный с наличием определенных знаний и мастерства, способствующих эффективности этого воздействия» [Копнина 2021: 32–33].

Следовательно, не существует общепринятого определения данного феномена, и из целого ряда дефиниций можно прийти к выводу, что *манипуляция — это такой вид речевого воздействия, целью которого является получение определенной выгоды для субъекта манипуляции и нанесение ущерба интересам объекта манипулирования*. Кроме того, воздействие может быть как открытым, так и скрытым, однако манипуляция носит именно скрытый характер.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе использовались следующие методы: описательный, прагматический анализ, метод частичной выборки.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Выбор для анализа публикаций, связанных с русско-украинским конфликтом, сделан не случайно: за последний период времени внимание мирового сообщества приковано к проведению специальной военной операции (СВО) Россией на территории Украины, в частности к действиям РФ и заявлениям президента Российской Федерации и его приближенных. Страны Запада стремятся вычеркнуть Россию из мировой системы и направить своих союзников против нее. Так, они проводят информационную войну и создают в сознании миллионов людей образ

России как врага не только украинского народа, но и всего человечества методами пропаганды и манипулирования.

За основу нами были взяты публикации англоязычных новостных изданий, а также высказывания и интервью представителей западной политической элиты.

Необходимо отметить, что информационные войны удобнее всего проводить в пространстве медиа. Практически все средства массовой информации зависят от определенных властных структур и коммерческих организаций со своими интересами, поэтому СМИ играют огромную роль в формировании информационного поля и, как следствие, ценностно-мировоззренческого восприятия действительности [Гаврилов 2023].

Ю.А. Горностаева заключает, что «целенаправленное распространение ментальных моделей посредством СМИ, которые заставляют людей острее чувствовать свою приверженность к „своим“ и отторжение к „чужим“, можно считать методом манипуляции, позволяющим оказывать влияние на политические воззрения на уровне массового сознания» [Горностаева 2018: 7].

Итак, среди отличительных признаков политического медиадискурса отмечается разделение мира на «своих» и «чужих», или же *функция поляризации*, которая осуществляется путем подчеркивания собственных позитивных характеристик и негативных черт оппонента и смягчения собственных негативных особенностей и позитивных действий оппонента. Поляризованный дискурс пропагандирует стереотипные представления о противнике, демонизируя его и очерняя его репутацию [Горностаева 2018: 20].

Следовательно, такого рода манипуляции являются существенными при ведении информационно-психологических противоборств и выступают в качестве ключевых лингвистических средств реализации политического пропагандистского медиадискурса.

А. А. Хабаров считает, что лингвистические средства могут быть идеологически поляризованы до такого состояния, которое позволит акторам речевого воздействия применять их в военных целях, а именно в качестве «консциентального» (психологического) оружия [Хабаров 2021].

Итак, языковые средства в политической сфере активно участвуют в дискредитации и демонизации оппонента, идеологической экспансии, дестабилизации внутривнутриполитического положения в стране-противнике и пр. [Лингвистика... 2020].

Одним из способов осуществления так называемой «стратегии идеологической

поляризации» является использование *прецедентного феномена*, т. е. феномена, значимого и широко известного носителю языка и служащего для него своеобразным символом и/или культурным знаком определенных качеств и/или свойств.

В своей работе Е. А. Нахимова отмечает, что прецедентные феномены являются «мощным средством воздействия на адресата, они помогают переформатировать картину мира, имеющуюся у адресата»; кроме того, они «задают определенную систему ценностей и антиценностей, которая в той или иной мере регулирует поведение представителей национально-лингвокультурного сообщества, объединяя „своих“ и противопоставляя их „чужим“» [Нахимова 2007: 143].

Зачастую прецедентные имена характеризуют политических лидеров и других людей, находящихся в центре общественного внимания.

Проанализировав выступления политических деятелей и публикации западных СМИ, мы пришли к выводу, что чаще всего в качестве такого прецедентного имени выступает президент РФ Владимир Путин.

Так, в англоязычных источниках Путин представляется в качестве тирана и агрессора, захватившего Крым и напавшего на Украину. В медиа часто упоминается имя президента в следующих интерпретациях: *Putin's aggression, Putin's assault, Putin invaded*, etc.

В примере, взятом из выступления американского политика Нэнси Пелоси, очевиден факт употребления данного прецедента:

(1) *“Yet the world has watched in awe as President Zelenskyy and the Ukrainian people have fought back for the sake of their democracy — and for democracy in the world — against Putin's diabolical assault”*. — «Мир с трепетом наблюдал за тем, как президент Зеленский и украинский народ сражались за свою демократию — и за демократию во всем мире — против **зверского нападения Путина**» [Representative Nancy Pelosi, 2024].

В следующем отрывке из речи нынешнего президента США Джо Байдена на Национальном съезде Демократической партии Владимир Путин опять предстает в качестве диктатора:

(2) *“Just as no commander-in-chief should ever bow down to a dictator, the way Trump bows down to Putin. I never have, and I promise you, Kamala Harris will never do it, will never bow down”*. — «**Ни один главнокомандующий никогда не должен склоняться перед диктатором так, как Трамп склонился перед Путиным**. Я этого никогда не делал и гарантирую вам, что Камала Харрис

никогда этого не сделает, никогда не преклонится» [Time 2024].

В статье, посвященной обзору актуальной обстановки русско-украинского конфликта, американского издания «The Economist» также прослеживается употребление такого прецедентного феномена на протяжении всей публикации:

(3) *“The authorities are prosecuting lots of deserters, but they do not command as much fear as **Mr Putin’s regime**”*. — «Многие дезертиры подвергаются преследованиям со стороны властей, но это не вызывает столько страха (у населения), как **режим Путина**» [The Economist 2024].

Такое использование прецедентного имени *Vladimir Putin* в текстовых фрагментах (пр. 1, 2, 3) подчеркивает осознанную речевую агрессию политических акторов и помогает им создать негативный образ оппонента благодаря ярким оценочным суждениям о президенте РФ как о жестоком политике, тем самым дискредитируя его и страну в целом. Следовательно, аудитория воспринимает политика и государство неодобительно.

Кроме того, «стратегия идеологической поляризации» реализуется посредством упоминания не только президента В. В. Путина, но и России в западных СМИ в основном в контексте негативных событий. Широко используется *тактика двойных стандартов*, то есть схожие действия оппонентов позиционируются с разных сторон [Озюменко 2017]. Если взять украинский конфликт, то в качестве «жертвы» всегда выступает украинская сторона, а «агрессора» — российская.

К примеру, американский сенатор Элизабет Уоррен в одном из пресс-релизов утверждает, что спонсирование и накачивание Украины оружием — это предоставление ей помощи для организации защиты украинского народа и суверенитета страны (*defends its democracy*), а любые действия со стороны РФ — это террористический акт и организованное вторжение (*invasion*) на территорию другого государства.

(4) *“This funding delivers long overdue support for **Ukraine as it defends its democracy against Russia’s invasion**. I visited Kyiv, witnessing firsthand the courage of the **Ukrainian people** who will lose this war if we fail to provide assistance”*. — «Эти средства предоставят долгожданную поддержку Украине, поскольку она **защищает свою демократию от вторжения России**. Я посетила Киев и стала свидетелем **мужества украинского народа**, который проиграет эту войну, если мы не окажем ему помощь» [U.S. Senator Elizabeth Warren 2024].

Первый заместитель официального представителя Госдепартамента США Ведант Пател также утверждает, что помощь Украине необходима для того, чтобы народ смог себя защитить от русской агрессии, тогда как любые действия РФ говорят об эскалации конфликта.

(5) *“But I just want to be incredibly clear about something: Donating to a nonprofit organization, donating to an NGO, supporting the Ukrainian cause, and supporting the Ukrainian people as **they defend themselves against Russia aggression**, especially doing so on American soil, is not a crime. We strongly condemn the **Kremlin’s escalating domestic repression**”*. — «Мне бы хотелось быть предельно ясным касательно следующего: спонсирование некоммерческой организации, спонсирование НПО, поддержка украинского конфликта, поддержка украинцев, так как **они защищают себя от агрессии России**, особенно на американской территории, не является преступлением. Мы сильно осуждаем эскалацию **репрессивного режима Кремля**» [U.S. Department of State 2024].

Следовательно, манипулятивная стратегия «свой» — «чужой» применяется в политическом пропагандистском медиадискурсе с целью подчеркивания равенства с единомышленниками, создания образа врага и противопоставления себя оппоненту, унижая его и возвышая себя.

Довольно часто рассматриваемая антитеза передается с помощью таких вербальных знаков, как личные и притяжательные местоимения — *мы, они, наш, их*, «которые выполняют функцию объединения и отчуждения, а также эксплицируют признаки многочисленности и единства» [Маруневич, Майба 2022: 92].

(6) *“In a post on X, Zelenskyy said: **“Russia has not stopped terrorizing our people for a single week in more than two years of this war. Russia tries to expand the war while consistently making empty statements about peace. We must use all available means to force Russia to make a real and just peace. Our defense against Russian assaults and strikes is critical in this regard”***. — «В своем посте в сети X Зеленский написал: „Россия ни разу не переставала **терроризировать наш народ** за более чем два года войны. Россия стремится к эскалации конфликта, постоянно выступая с пустыми заявлениями о мире. **Мы должны использовать все возможные средства**, чтобы заставить Россию прийти к настоящему и справедливому миру. В этом плане **наша оборона от русской агрессии и ударов** имеет принципиальное значение“» [Politico 2024].

Фрагмент (пр. 6) взят из статьи, где говорится о том, что НАТО хочет позволить Украине использовать оружие для ударов по территории РФ, называя данные действия в СМИ «оборонительными» и «легитимными», тогда как любые операции России представляются «террористическими». В высказывании (пр. 6) отчетливо прослеживается процесс идеологической поляризации — автор использует личные местоимения (*we, our*), спланивая украинский народ и западный мир для борьбы против единого врага (России) и установления справедливого мира (*We must use all available means to force Russia to make a real and just peace*); действия со стороны Украины направлены на защиту своего народа (*our defense*), тогда как поведение России носит наступательный характер (*Russian assaults and strikes*).

В политическом пропагандистском медиадискурсе выбор лексики играет огромную роль, поэтому дискредитировать оппонента возможно только благодаря ее тщательному отбору.

Отметим, что для реализации пропагандистских намерений политические акторы умышленно применяют в своих текстах *военную терминологию*, особенно в условиях информационно-психологических войн, для усиления манипулятивного эффекта и «создания устрашающего образа оппонента» [Горностаева 2018: 12].

(7) *“First, we have seen some Russia — Russian troop movement out of Ukraine to deal with the incursion that you and others have asked about”*. — «Во-первых, мы видели то, как **русские войска выезжали** за пределы Украины, чтобы сдержать **вторжение**, о котором вы и другие уже спрашивали» [U.S. Department of State 2024].

(8) *“Putin’s bluster and **sabre-rattling** turned out to be nonsense because in reality he is the one who fears escalation”*. — «Путинское хвастовство и **бряцание оружием** оказались чепухой, поскольку, по сути, именно он опасается эскалации» [The Spectator 2024].

(9) *“But Russia, too, is making more **weapons**. Mr Putin has pledged to increase the production of **drones by** a factor of almost **ten** this year. The manufacture of **glide bombs** and **Iskander missiles** has surged sevenfold since late 2022. Russia has also been able to buy **big batches of ammunition and missiles** from North Korea and of **drones and missiles** from Iran”*. — «Россия тоже производит больше **оружия**. Господин Путин пообещал **нарастить выпуск дронов** практически **в десять раз** в этом году. С конца 2022 года объем производства **планирующих бомб** и

ракет „Искандер“ вырос в семь раз. Кроме того, Россия закупила **огромное количество боеприпасов и ракет** у Северной Кореи и беспилотников у Ирана» [The Economist 2024].

В вышеприведенном фрагменте (пр. 9) сочетание военной лексики и указание на увеличение количества производимой боевой техники (*to increase the production of drones by ten; the manufacture of glide bombs and Iskander missiles has surged sevenfold; big batches of ammunition and missiles*) свидетельствует о росте угрозы, исходящей от России. Кроме того, в тексте были упомянуты другие государства (Северная Корея и Иран), признанные «изгоями» и «опасными» для мирового сообщества, тем самым у массовой аудитории создается стереотипный образ РФ как пособника всемирного зла. Так на читателя навевается еще больший страх от имеющегося в распоряжении у армии России вооружения, а также от сотрудничестве с другими «опасными» странами, одна из которых (Северная Корея) владеет ядерным оружием, а другая (Иран) обладает потенциалом к его созданию.

Употребление военных терминов в политическом медиадискурсе позволяет решить одну из важных коммуникативных стратегий — «убеждение». «Именно апелляция к современным военным реалиям в контексте сообщения является эффективным инструментом при оказании политического давления или его сдерживании, привлечении новых союзников и манипулировании сознанием общественности» [Лату 2011: 102].

В зависимости от целей адресанта, данная стратегия реализуется путем таких речевых тактик, как «запугивание» и «демонстрация превосходства». Стоит отметить, что если речь идет о применении оружия ВС своей страны, то термины служат для реализации тактики «демонстрация превосходства» — у реципиента возникает чувство защищенности, тогда как ссылка на вооружения оппонента несет негативный контекст и предполагает реализацию тактики «запугивание» [Лату 2011].

Для достижения определенных целей политическими акторами в основном используются *слова-аффективы*, чтобы вызвать эмоциональный отклик у адресата, оказать на него воздействие и сформировать в его сознании те или иные представления о событии, личности и пр.

Такая лексика зачастую используется для создания негативного образа/демонизации/дискредитации политического деятеля, а также для фокусирования на ту или иную проблему и др.

(10) *"Today marks two years since Russia's brutal, illegal new phase of aggression against Ukraine. That means two years of blood spilled, of communities decimated, of children kidnapped, of women raped, all at the hands of Vladimir Putin"*. — «Сегодня исполняется два года с того момента, как Россия начала новую фазу жестокой, противозаконной агрессии в отношении Украины. Это означает, что два года кровопролития, разрушенных общин, похищенных детей, изнасилованных женщин — все это происходит от рук Владимира Путина» [Representative Nancy Pelosi 2024].

Отрывок из выступления Нэнси Пелоси (пр. 10) богат лексикой с отрицательными коннотациями: РФ предстает перед аудиторией жестокой (*brutal*), делается акцент на ее «незаконные» действия по отношению к Украине (*illegal*). Более того, наблюдается подмена понятий и фальсификация фактов и «использование размытой неопределенной информации» [Озюменко 2017: 215]. В примере говорится, что президент РФ В. В. Путин ответственен за «пролитую кровь украинского народа, насилие над женщинами и похищение детей» (*blood spilled, of communities decimated, of children kidnapped, of women raped, all at the hands of Vladimir Putin*), что доказывает тот факт, что Россия во главе с ее президентом является угрозой для всего мира.

(11) *"I hope that our colleagues will choose democracy and decency rather than autocracy and evil. Because I fear that if you choose the Putin route, you will have blood on your hands. Blood of the children, blood of their mothers, raped in front of their parents, raped in front of their children"*. — «Надеюсь, что наши коллеги выберут демократию и благопристойность, а не самодержавие и зло. Я опасюсь, что если вы пойдете по пути Путина, то на ваших руках окажется кровь. Кровь детей, их матерей, изнасилованных на глазах у их родителей и их детей» [Representative Nancy Pelosi 2024].

Здесь (пр. 11) используется тактика манипуляции, которая направлена на обращение к универсальным ценностям, угрозу которым представляет РФ — слова-аффективы «демократия» (*democracy*) и «благопристойность» (*decency*) подчеркивают поддержку демократических ценностей Запада, тогда как «авторитарный режим/самодержавие» (*autocracy*) и «зло» (*evil*) характеризуют Россию, которая ограничивает свободу и права граждан. Помимо этого, высказывание американского политика насыщено лексическими повторами (*blood, raped*), а это

еще больше нагнетает обстановку и выставляет Россию в качестве мирового зла, с которым необходимо бороться. Пелоси вызывает к адресату и манипулирует им, буквально принуждая его и не оставляя другого выбора, как встать на сторону демократических западных стран, иначе последствия будут необратимы — он в прямом смысле будет жить с кровью на руках (*you will have blood on your hands*).

Таким образом, в политическом пропагандистском медиадискурсе применение слов с негативной эмоциональной окраской (слов-аффективов) — это прием речевого манипулирования, формирующий те или иные установки у реципиента и влияющий на политические процессы.

Как можно заметить, в текстах исследуемого дискурса могут применяться как открытое воздействие (убеждение), так и манипуляция (скрытое воздействие) на сознание адресата. Однако в последнее время наблюдается следующий феномен — манипуляция приобретает более агрессивные формы и перестает быть скрытой, поэтому В. И. Озюменко характеризует ее как манипулятивное убеждение [Озюменко 2017].

Анализ англоязычных публикаций с манипулятивным подтекстом показал, что сообщениям такого характера свойственно сочетание стандарта и экспрессивности, которые отображаются наличием в речи образительно-выразительных средств, таких как метафоры, эпитеты, метонимии и др., а также слов с эмоционально-оценочным компонентом (в основном отрицательным). Эти средства уже выбирались в качестве объектов многих исследований. А. П. Чудинов, например, утверждает, что экспрессивность высказываний придает тексту эстетическую значимость и делает его интересным для реципиента, тогда как стандартность — это своего рода доступность для массовой аудитории, однако соотношение стандартности и экспрессии может быть разным в зависимости от политической эпохи, автора и иных дискурсивных характеристик. Так, А. П. Чудинов считает, что в настоящее время «мы живем в период высокой степени экспрессивности политической коммуникации, это особенно относится к текстам, создаваемым левыми и правыми экстремистами» [Чудинов 2013: 151].

Мы придерживаемся следующего мнения: анализ политического пропагандистского медиадискурса в условиях информационно-психологической войны требует комплексную модель описания, включающую, помимо вербальных средств манипулятивного воздействия на сознание и поведение реципиента, еще

и невербальные (аудио-, видео- или графическое оформление и пр.), которые требуют отдельного изучения и анализа.

Итак, политический актор в своих высказываниях делает выбор в пользу тех или иных лингвистических средств в зависимости от применяемой манипулятивной стратегии и целей, необходимых для достижения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В англоязычном политическом пропагандистском медиадискурсе, связанном с русско-украинским конфликтом, прослеживается намерение автора воздействовать на реципиента и конструировать текст таким образом, чтобы делать упор на одни пресуппозиции, блокировав другие.

Активное использование языковых средств, таких как прецедентные имена, слова-аффективы с отрицательной коннотацией, военная терминология и пр., содействует адресанту в создании дискредитирующего образа оппонента, а также подсознательно ориентирует адресата на выбор конкретной стороны и принятие определенных политических решений.

Языковое манипулирование — это влиятельный инструмент политического медиадискурса. В связи с постоянными конфликтами на мировой арене политические акторы применяют те или иные средства влияния на реципиента.

В статье было отмечено, что анализ политического пропагандистского медиадискурса следует осуществлять в комплексе посредством языковых и неязыковых средств, ассортимент которых постоянно расширяется. Проанализированный нами материал показал, что языковые маркеры и стратегии манипуляции, описанные в статье, представляют лишь часть всей системы реализации данного дискурса.

Исследование сообщений англоязычных представителей власти позволило выявить их манипулятивный уровень и прийти к выводу, что механизмы внушения в СМИ принимают все более агрессивный характер, поэтому необходимо иметь о них должное представление для успешного противостояния в ходе информационно-психологической войны.

ИСТОЧНИКИ

1. Department Press Briefing with Principal Deputy Spokesperson Vedant Patel, at the Department of State // U.S. Department of State. — URL: <https://www.state.gov/briefings/depart-ment-press-briefing-august-15-2024/#post-579359-ispal> (date of access: 19.08.2024). — Text : electronic.
2. Give Ukraine long-range missiles to hit Russian targets // Politico. — URL: <https://www.politico.eu/article/ukraine-germany-long-range-missiles-russia-war-annalena-baerbock/> (date of access: 27.05.2024). — Text : electronic.
3. Joe Biden's Full Speech at the 2024 Democratic National Convention // TIME. — URL: [https://time.com/7012342/watch-](https://time.com/7012342/watch-president-biden-dnc-speech/)

[president-biden-dnc-speech/](https://time.com/7012342/watch-president-biden-dnc-speech/) (date of access: 23.08.2024). — Text : electronic.

4. Johnson, B. It's time to let Ukraine join Nato / B. Johnson. — Text : electronic // The Spectator. — URL: <https://www.spectator.co.uk/article/its-time-to-let-ukraine-join-nato/> (date of access: 22.09.2024).

5. Pelosi Statement Marking Two Years Since Russian Invasion of Ukraine // Representative Nancy Pelosi. — URL: <https://pelosi.house.gov/news/press-releases/pelosi-statement-marking-two-years-russian-invasion-ukraine> (date of access: 23.08.2024). — Text : electronic.

6. Speaker Emerita Pelosi Floor Speech on the Ukraine Security Supplemental Appropriations Act // Representative Nancy Pelosi. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NWdaD4Puekc&feature=youtu.be> (date of access: 23.08.2024). — Text : electronic.

7. Ukraine is on the defensive, militarily, economically and diplomatically // The Economist. — URL: <https://www.economist.com/briefing/2024/09/26/ukraine-is-on-the-defensive-militarily-economically-and-diplomatically> (date of access: 28.09.2024). — Text : electronic.

8. Warren Statement on National Security Supplemental Package // U.S. Senator Elizabeth Warren. — URL: <https://www.warren.senate.gov/newsroom/press-releases/warren-statement-on-national-security-supplemental-package> (date of access: 23.08.2024). — Text : electronic.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гаврилов, Л. А. Политический дискурс в условиях информационно-психологической войны / Л. А. Гаврилов. — Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. — 2018. — № 2. — С. 89–98.
2. Гаврилов, Л. А. Язык массовой коммуникации и информационная война / Л. А. Гаврилов, Р. И. Зарипов. — Москва : Ленанд, 2023. — 216 с. — Текст : непосредственный.
3. Горностаева, Ю. А. Вербальные маркеры манипуляции в англоязычном поляризованном политическом дискурсе : опыт параметризации и автоматической обработки : автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Горностаева Ю. А. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2018. — 20 с. — Текст : непосредственный.
4. Ергалиева, С. Ж. Политический дискурс в текстодеятельностном аспекте (на материале российских и казахстанских интернет-сайтов) : дис. ... канд. филол. наук / Ергалиева С. Ж. — Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2018. — 274 с. — Текст : непосредственный.
5. Колмогорова, А. В. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации / А. В. Колмогорова, А. А. Калинин, Ю. А. Талдыкина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 4. — С. 194–199.
6. Копнина, Г. А. Речевая манипуляция в массмедийном тексте / дискурс: проблема распознавания / Г. А. Копнина. — Текст : непосредственный // Филология и человек. — 2021. — № 3. — С. 30–47. — DOI: 10.14258/filichel(2021)3-04.
7. Лату, М. Н. Военная терминология в современном политическом дискурсе / М. Н. Лату. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2011. — № 3. — С. 98–104.
8. Лингвистика информационно-психологической войны : монография. Кн. III / А. А. Бернацкая, Ю. А. Горностаева, И. В. Евсеева [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. — 344 с. — Текст : непосредственный.
9. Маруневич, О. В. Искажение информации как способ языкового манипулирования в современном российском медиадискурсе / О. В. Маруневич, В. В. Майба. — Текст : непосредственный // Вестник Калмыцкого университета. — 2022. — № 3 (55). — С. 89–97.
10. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации : монография / Е. А. Нахимова ; Урал. гос. пед. ун-т ; Ин-т социального образования. — Екатеринбург : [б. и.], 2007. — 207 с. — Текст : непосредственный.
11. Озюменко, В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции — к агрессии / В. И. Озюменко. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. — 2017. — Т. 21. — No 1. — С. 203–220.

12. Хабаров, А. А. Интердискурс информационно-психологической войны как вид концентрированного оружия / А. А. Хабаров. — Текст : непосредственный // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. — 2021. — № 4. — С. 77–96.

13. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. — 176 с. — Текст : непосредственный.

14. Шейнов, В. П. Незащищенность от манипуляций и ее связи с когнитивными и личностными характеристиками подростков / В. П. Шейнов. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. — 2017. — Т. 14. — № 2. — С. 167–177.

15. Deviatnikova, K. G. Linguocognitive Analysis of Manipulative Political Discourse / K. G. Deviatnikova. — Text : unmediated // BGZH. — 2021. — №1 (34). — P. 336–340.

MATERIALS

1. U.S. Department of State. *Department Press Briefing with Principal Deputy Spokesperson Vedant Patel, at the Department of State*. Retrieved August 19, 2024, from <https://www.state.gov/briefings/department-press-briefing-august-15-2024/#post-579359-ispal>

2. Politico. *Give Ukraine long-range missiles to hit Russian targets*. Retrieved May 27, 2024, from <https://www.politico.eu/article/ukraine-germany-long-range-missiles-russia-war-annalena-baerbock/>

3. TIME. *Joe Biden's Full Speech at the 2024 Democratic National Convention*. Retrieved August 23, 2024, from <https://time.com/7012342/watch-president-biden-dnc-speech/>

4. Johnson, B. *It's time to let Ukraine join Nato*. The Spectator. Retrieved September 22, 2024, from <https://www.spectator.co.uk/article/its-time-to-let-ukraine-join-nato/>

5. Representative Nancy Pelosi. *Pelosi Statement Marking Two Years Since Russian Invasion of Ukraine*. Retrieved August 23, 2024, from <https://pelosi.house.gov/news/press-releases/pelosi-statement-marking-two-years-russian-invasion-ukraine>

6. Representative Nancy Pelosi. *Speaker Emerita Pelosi Floor Speech on the Ukraine Security Supplemental Appropriations Act*. Retrieved August 23, 2024, from <https://www.youtube.com/watch?v=NWdaD4Puekc&feature=youtu.be>

7. The Economist. *Ukraine is on the defensive, militarily, economically and diplomatically*. Retrieved September 28, 2024, from <https://www.economist.com/briefing/2024/09/26/ukraine-is-on-the-defensive-militarily-economically-and-diplomatically>

8. U.S. Senator Elizabeth Warren. *Warren Statement on National Security Supplemental Package*. Retrieved August 23, 2024, from <https://www.warren.senate.gov/newsroom/press-releases/warren-statement-on-national-security-supplemental-package>

REFERENCES

1. Gavrilov, L.A. (2018). Politicheskij diskurs v usloviyah informacionno-psihologicheskoy vojny [Political Discourse in the Conditions of Information-Psychological Warfare]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2, 89–98. (In Russ.)

2. Gavrilov, L.A., & Zaripov, R.I. (2023). *Yazyk massovoy kommunikacii i informacionnaya vojna* [The Language of Mass Communication and Information War]. Moscow: Lenand, 2023, 216 p. (In Russ.)

3. Gornostaeva, Yu.A. (2018). *Verbal'nye markery manipulacii v angloazychnom polarizovannom politicheskom diskurse: opyt parametrizacii i avtomaticheskoy obrabotki* [Verbal markers of manipulation in English-language polarized political discourse: experience of parameterization and automatic processing] [Abstract of Dis. of Cand. of Philology]. Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj universitet, 20 p. (In Russ.)

4. Ergaliev, S.G. (2018). *Political discourse in the derivational text aspect (based on Russian and Kazakhstani Internet-sites)* [Dis. of Cand. of Philology]. Pub.: Kemerovo state University, Kemerovo, 274 p. (In Russ.)

5. Kolmogorova, A.V., Kalinin, A.A., & Taldykina, Yu.A. (2016). Yazykovye markery manipulatsii v polarizovannom politicheskom diskurse: opyt parametrizatsii [Linguistic markers of manipulation in polarized political discourse: the experience of parametrization]. *Political Linguistics*, 4(58), 194–199. (In Russ.)

6. Kopnina, G.A. (2021). Rechevaya manipulaciya v mass-medijnom tekste / diskurse: problema raspoznavaniya [Verbal manipulation in mass media text/discourse: the problem of recognition]. *Filologiya i chelovek*, 3, 30–47. (In Russ.)

7. Latu, M.N. (2011). Voennaya terminologiya v sovremennom politicheskom diskurse [Military terminology in modern political discourse]. *Political Linguistics*, 3, 98–104. (In Russ.)

8. *Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny* [Linguistics of the information-psychological war] (Book III, 2020). Krasnoyarsk: Sib. Fed. Univ, 344 p. (In Russ.)

9. Marunovich, O.V., & Majba, V.V. (2022). Iskazhenie informacii kak sposob yazykovogo manipulirovaniya v sovremennom rossijskom mediadiskurse [Information Distortion as a Method of Language Manipulation in Modern Russian Media Discourse]. *Vestnik Kalmyckogo universiteta*, 3(55), 89–97. (In Russ.)

10. Nahimova, E.A. (2007). *Precedentnye imena v massovoj kommunikacii* [Precedent names in mass media] [Monograph]. Yekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 207 p. (In Russ.)

11. Ozyumenko, V.I. (2017). Medijnyj diskurs v situacii informacionnoj vojny: ot manipulacii — k agressii [Media Discourse in an Atmosphere of Information Warfare: From Manipulation to Aggression]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika*, 21(1), 203–220. (In Russ.)

12. Khabarov, A.A. (2021). Interdiskurs informacionno-psihologicheskoy vojny kak vid konststiental'nogo oruzhiya [Interdiscourse of information and psychological warfare as a kind of constitional weapon]. *Expert's credit: transport, society, education, language*, 4, 7–96. (In Russ.)

13. Chudinov, A.P. (2013). *Ocherki po sovremennoj politicheskoy metaforologii* [Essays on Contemporary Political Metaphorology]. Yekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 176 p. (In Russ.)

14. Shejnov, V.P. (2017). Nezashchishchennost' ot manipulacii i ee svyazi s kognitivnymi i lichnostnymi harakteristikami podrostkov [Insecurity from manipulation and its connection with cognitive and personal characteristics of adolescents]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika*, 14(2), 167–177. (In Russ.)

15. Deviatnikova, K.G. (2021). Linguocognitive Analysis of Manipulative Political Discourse. *BGZH*, 1(34), 336–340.